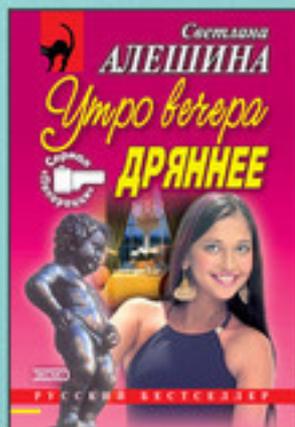

Светлана Алешина

Утро вечера дряннее

Часть сборника
Утро вечера дряннее (сборник)

Папарацци

Светлана Алешина

Утро вечера дряннее

«Научная книга»

2001

Алешина С.

Утро вечера дряннее / С. Алешина — «Научная книга»,
2001 — (Папарацци)

«...во двор въехала какая-то тачка и на большой скорости двинулась вдоль дома. Сумасшедшие, наверное, с досадой усмехнулась я и остановилась, пропуская автомобиль. Но он вдруг неожиданно затормозил, преграждая мне дорогу к подъезду. В тусклом свете лампочки, висевшей над входом, я рассмотрела, что это был «Опель» какого-то буро-терракотового цвета, во всяком случае, так мне тогда показалось. Похоже, ребята обкурились, предположила я, заглянув в салон. Не успев ничего рассмотреть, я заметила только, что, кроме водителя, в салоне сидел еще и пассажир, как двери «Опеля» молниеносно открылись. Оттуда выскочили двое парней среднего роста, но достаточно крепких, грубо подхватили меня с двух сторон под руки и попытались запихнуть в машину. Что я почувствовала в тот момент, уж не помню, скорее всего – удивление. От неожиданности пропал голос, поэтому закричать и позвать на помощь я не смогла, да и сомневаюсь, чтобы кто-то сумел оказать мне ее в тот момент – уж слишком быстро и неожиданно все произошло. Поэтому машинально выставив вперед ногу и упершись ею в порог «Опеля», осталась на свободе – сразу запихнуть меня в салон у злодеев не получилось. В ответ на сопротивление злоумышленники заломили мне руки за спину, отчего я согнулась в три погибели. Помогая себе ногами, они продолжали заталкивать меня в салон...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Светлана Алешина

Утро вечера дряннее

Глава 1

Знаете, бывают такие дивные дни. Иначе их и не назовешь. Когда внешне все вроде бы остается на своих местах – инфляция, кризис, войны, вредные соседи, гора писем от читателей, причем не самых умных и корректных, зима, унылые лица прохожих, надвигающаяся эпидемия заморского гриппа... словом, наличествует весь маразм нашей жизни, но что-то внутри нас начинает вдруг смеяться и озорничать. Вот такой день посетил меня. Ни тебе угрызений совести, ни грустных мыслей, ни мучительных воспоминаний. Но ведь человек как устроен? Он сразу же кидается в раздумья: за что ему такое счастье, такая честь, такая радость, заслужил ли он все это, и если да, то чем?

Обычно ответа на этот вопрос не находишь. Памятуя о подобных светлых днях, не раз посещавших меня, я не стала докапываться до истины: что, зачем, почему – и вприпрыжку сбежала по ступеням лестницы своего подъезда. Радость была такой исполинской, что мерно покачивающийся и жалобно дребезжащий лифт ждать не было сил. Поэтому буквально вылетев во двор и сев в свою «ладушку», я еле дождалась, пока прогреется двигатель и, наконец, можно будет тронуться с места. Заранее зная, что такая невесть откуда налетающая радость пагубно влияет на решимость соблюдать правила дорожного движения, я все же подождала, пока прогреется мотор, прочитала себе лекцию, пытаюсь усмирить дерзновенный порыв своего сердца.

Попеременно прижимая ладонь ко лбу, щеке и виску, я пробовала определить градус моего внутреннего кипения. И все-таки тот самый вопрос, который никогда в подобных случаях не получал ответа, упрямо толкался в мозг.

Расстояние до работы мне показалось просто смешным, и в этот момент я была готова даже не согласиться работать так близко от дома, чувство, охватившее меня, требовало вольного разбега, свободного пространства и бездны времени. Кто-то вознамерится сравнить его с действием наркотика? Фи! Наркотиками я никогда не баловалась, да и другим не советую, но по рассказам очевидцев, вернее, балующихся, знаю, что действие ни одной марихуаны, героина или кокаина не сравнится с этим счастливым завихрением, которое вираж за виражом наполняет душу все более громким шелестом крыл. Чувствуешь себя быстро расширяющейся Вселенной, и никак не меньше! Единственное, что может, наверное, выдержать сравнение с этим праздничным ощущением, это езда на сумасшедшей скорости по какому-нибудь спидвею. Вот так, врубаешь какой-нибудь жутко темпераментный музон, включаешь сто двадцать и – в пропасть! Да нет, не в такую, над которой только орлы да облака, а в ту, что гудит, и радостно стонет, и рыкает кровью, берущей приступом анемичное тело и душу.

Я влетела в редакцию ураганом. Опыаненная радостью бытия, я тем не менее заметила, что Маринки на месте нет. Это неприятно подействовало на меня. Что же, спросит внутреннее чувство, то ощущение, о котором я только что толковала, не способно на великодушие? Даже на самое мизерное? Заключающееся, например, в том, чтобы не заметить отсутствия в приемной своей секретарши? И то обстоятельство, что Маринка, кроме всего прочего, была моей подругой, тем более должно было склонить мою упоенную весенним восторгом душу к снисходительной рассеянности.

Ан нет! И вот почему. Потому что, признаюсь, в меня закралось ревнивое подозрение, не сочла ли эта, то бишь, моя радость, своим долгом посетить и Маринку? Только, несмотря на приятное головокружение, я не опоздала на службу, а Марина, откровенно говоря, плюнула на

свои обязанности. И что особенно не давало мне покоя, так это предположение, что Маринкино опоздание не просто было вызвано этой самой радостью, а ее, радости, превосходной степенью.

Если я не опоздала, размышляла я, значит, не настолько опьянилась, чтобы забыть о своих прямых обязанностях, а вот Маринка...

И тут дверь распахнулась и в секретарскую влетела моя взмыленная секретарша.

– О! – воскликнула она. – Ты уже здесь? Не смотри, не надо, – весело затараторила она в ответ на педантично-строгое движение, которым я приподняла рукав пиджака, дабы взглянуть на часы. – Задержалась, признаю...

– Ты сначала отдышись, – поморщилась я.

– Ой, ты даже не поверишь! – вытаращила она глаза.

– Ну отчего же, – усмехнулась я, – ты у нас личность незаурядная.

Я взяла свой модный портфель, который в замешательстве плюхнула на стоящее перед Маринкиным столом кресло, и направилась было в кабинет.

– Ты че, Оль, обиделась? – оторопела от моего официального вида Маринка.

– Отчего же? – повторила я и скептически пожала плечами.

– Ты не представляешь, с кем я ехала до работы! – снова оживилась Маринка.

– «Я ехала домой...» – томно пропела я.

– С Александром Клуниным, – восторженно воскликнула Маринка, – гитаристом из «Вывиха»!

– Из «Вывиха»? – не разделяя Маринкиного воодушевления, переспросила я.

– Елки-моталки! – крикнула Маринка, глаза которой лихорадочно горели, а губы дрожали. – Ты же интервью с их продюсером и композитором сегодня брать поедешь!

– А-а, – процедила я, – и что же?

– Ну как что?! – восклицала неугомонная Маринка. – Такое дело! Я с ним знакомство завела. Во-о парень, – выставила она вперед и вверх большой палец правой руки.

– Где же ты его подцепила? – немного смягчилась я, безусловно, движимая любопытством.

– Где-где! – добродушно передразнила меня Маринка. – Не у всех, между прочим, Олечка, есть личный автотранспорт. – Маринка скривила смазливую физиономию в ехидной ухмылке. – Стояла, голосовала, опаздывала... А он тут, миленький, на своем «Фольксвагене». Слушай, Оль, – по-приятельски обратилась она ко мне, – я таких машин не видела. Представляешь, желтая, но не так чтоб просто...

Маринка подыскивала нужное слово.

– Ну, желтая, но не так... – с оттенком пренебрежения усмехнулась я.

– Во, – радостно блеснули большие Маринкины глаза, – золотистая. Ну, супер! – причмокнула она. – А едет как! Словно летит. Да ты знаешь, – почему-то сникла Маринка, – тебя ничем не удивишь. Ты на этих иномарках туда-сюда...

– Ладно, хватит трепаться. Значит, опоздала ты не потому, что с этим, как его... – подозрительно посмотрела я на Маринку.

– Клуниным. Песню их новую слышала? «Если б ты сказала «да», не пришла бы к нам беда... Ты же мне сказала «нет», у тебя один куплет...»

– Вот это точно, – засмеялась я, – куплет у них всегда один и тот же.

– Он мне сказал, между прочим, что с фанерой они завязали! – с запальчивой гордостью воскликнула Маринка.

– Тебе лучше знать, – равнодушно проронила я, – ты у нас знатная меломанка.

– Зря смеешься, – надулась Маринка, – не забудь, тебе сегодня с их шефом общаться. А он товарищ непростой, – крикнула она, когда я уже вошла в кабинет.

Маринка еще долго напевала что-то за дверью. Что-то умопомрачительно-скучное и сентиментальное.

«Так, так, так, – села я в свое рабочее кресло и закурила. – Что же, Ольга Юрьевна, с вашей профессиональной и гражданской памятью стало? – с меланхолической издевкой спросила я себя. – Действительно, ведь вам сегодня с этим, как его... Ежовым Андреем о проблемах искусства попсового придется говорить... Так...» – я резко встала, подошла к висевшему на стене овальному зеркалу, рама которого представляла собой бронзовый фрагмент райских зарослей, и принялась изучать свой благородный фейс. Зверски надоевшее зеркало было принесено мною из квартиры. Потешив самолюбие, я окинула критическим взглядом свою фигуру и осталась довольна.

Наряд мой тоже был, что называется, к месту. Под местом я понимала в данном случае артистические круги, наш тарасовский попсовый бомонд. Кожаные брючки и темно-синий бархатный пиджак. Под ним – черная водолазка. На груди – серебряное чеканное кольцо из плоских сине-белых трапеций, напоминающее греческий орнамент.

Я несколько раз провела рукой по своим только что выкрашенным волосам – под конец зимы мне почему-то захотелось стать блондинкой. Но не для того, чтобы привлекать мужское внимание, а из чистого экспериментаторства. К тому же у меня голубые глаза.

– Я тебе покрепче сварила, – внесла Маринка в кабинет поднос, на котором поблескивали новые фарфоровые чашки. – Нет, Оль, что ни говори, а белые волосы тебе к лицу.

– Подольститься хочешь? – зловредно хихикнула я.

– Да уж прям! – сделала недовольно-оскорбленный вид Маринка. – Констатирую факт. А эта маска для волос Гарнье – просто кайф. Вчера намазала, смыла, расчесала и вот видишь...

Она закружилась по комнате, держа за кончики свои густые русые пряди, которые распадались шикарным пушистым веером.

– «Кра-со-та, – восторженно пела Маринка, – это когда мечта дарит нам с тобою яркие цвета...» Узнаешь?

– Что?

– «Весна стучится в окна твои, – речитативом произносила Маринка, – весна надежды, весна любви...»

– Вот видишь, как маска Гарнье благотворно подействовала на тебя – едва вышла из дома и сразу – Клунин на «Фольксвагене»! – иронично сказала я.

– Ага, – Маринка вальсировала по кабинету, будя модуляциями своего звонкого голоса сонную редакцию:

Сердце соловьем поет,
Ты – моя лесная пташка,
Сотканная из весенних нот,
Милая курносая мордашка...

– Бред какой-то, – поморщилась я, – твой Клунин, судя по этим напевам, импотент, – засмеялась я.

– Это еще почему? – опешила наивная Маринка. – Так ты что, думаешь, я на его девственность покушаюсь? – покатила она со смеху. – Главное, чтоб человек был хороший!

– Мне кажется, – задумчиво сказала я, – что все эти ребятки вообще ни на что не способны. Только чушь молоть. «Пташка-деревяшка, милая букашка, промокашка...» – привела я первый пришедший мне в голову рифмованный ряд.

– Много ты понимаешь, – скуксилась Маринка, – просто конъюнктура такая, – сделала она серьезное выражение лица, – вчера в «Ротозее» читала?

– Это ты у нас по бульварной прессе с ума сходишь, – насмешливо посмотрела я на свою секретаршу.

– Ежов их судится с Поплавским. Поплавский ему задолжал, решил джипом расплатиться, а джип-то нерастаможенным оказался, – выпалила Маринка, проигнорировав мой издевательский тон; видно, новость была до того важной и не терпящей отлагательства, что Маринкино самолюбие стушеввалось, пропуская вперед это звонкое сообщение.

– Как это? – не поняла я.

– Че как? – раздражилась Маринка.

Моя непонятливость ее просто бесила. Проистекала же она из моего дремучего равнодушия ко всему, что творилось в мире попсы. Конечно, в силу своей профессии я должна была этим интересоваться, но переделывать себя было не под силу.

– Как он мог приобрести нерастаможенную машину?

– Ой, не знаю, че да как, – нетерпеливо махнула рукой Маринка, – Поплавский ему всучил этот джип, и все.

– Понятно-о, – иронично взглянула я на Маринку, – кофе-то остыл!

За кофепитием Маринка ввела меня в курс всех перипетий своего разговора с Клуниным. Я было засомневалась, станет ли он откровенничать с первой попавшейся на улице девушкой. Маринка сначала надулась, замкнулась и все такое, но потом принялась снисходительно и нудно объяснять, что есть такая особенность у людей: им легче излить душу перед незнакомым человеком, чем плакаться в жилетку своим родным, друзьям и знакомым.

– Ну, тогда тебе не позавидуешь, – усмехнулась я, – ты для Клунина в таком случае была одноразовой промокашкой...

От возмущения подобным цинизмом Маринка чуть не вскочила.

– Ну, знаешь! – Ее глаза и щеки запылали. – Выражения выбирай!

– Так я ж шучу, а ты сразу – в краску! – дружелюбно улыбнулась я. – Ну сама подумай, согласно твоей теории...

– Не моей, а общей! – обиженно воскликнула Маринка.

– Какой такой общей? Ладно, общей, – неохотно согласилась я, лишь бы предупредить новый взрыв Маринкиного негодования – я видела, как дрогнула ее верхняя губа и дернулись брови, – он с тобой пооткровенничал, потому что был уверен, что никогда тебя больше не увидит.

– А вот – не хочешь! – Маринка выдернула из кармана пиджака визитку.

Синий прямоугольничек с серебристым вензелем в левом верхнем углу. Я взяла ее в руки.

– Смотри-ка, офис, телефоны... – вернула я визитку раскрасневшейся от негодования и гордости Маринке.

– А ты как думала? – въедливо сказала она. – Все как у порядочных людей!

Я еле сдержалась, чтобы не рассмеяться такой непроходимой наивности.

– А вот и досье на Ежова, – деловитым жестом я взяла со стола несколько листов бумаги, – родился в Тарасове, в шестьдесят третьем, значит, ему тридцать семь, ага, окончил иняз, английская словесность, так... работал... выступал в группах «Ухогорлонос», «Скворечня», «Шестерня любви», «Декаданс». Слушай, – прищурилась я, – а ведь «Декаданс» была хорошая группа! Помнишь?

Что такое полуночный стих, —
Золотой, обжигающий штрих,
Раскаленный рубец в пол-лица,
Гребень света в зеницах слепца...

Пробуждаемся в мокрой траве,
На границе сомкнутых миров,

На границе сомкнутых ресниц, меж бровей —
Полумесяц тоски – за ночь вырытый ров...

– Мы больше за «Пауками» загонялись, – непонимающе посмотрела на меня Маринка.
– Так, – снова опустила я глаза, – с девяносто третьего года владелец продюсерской фирмы «Золотая струна». Раскрутил группы «Вывих», «Самолет не приземлится» и «Летящие».

– Не знаю, где ты такие сведения взяла, – с презрительным высокомерием сказала Маринка, та еще, между прочим, фифа, – я, например, читала, что «Самолет не приземлится» прекратил свое существование, когда появились «Летящие». Солистка «Самолета», Маша Непутева, и гитаристка, Клара Замайкина перешли в «Летящие». Так что, считай, «Летящие» – это...

– Самолет, который так и не приземлился, – пошутила я, – что ж, логическая связь налицо.

– Ну, че там еще? – любопытствовала Маринка.

– Знаешь что, пригласи-ка ты ко мне Сергея Ивановича. Мне с ним кое-что обсудить надо. Да и подготовиться к этому чертовому интервью надо... – решила я сбить с нее спесь.

Маринкина физиономия вытянулась.

– Я, между прочим, – с вызовом сказала она, – зная, что у тебя сегодня интервью с этим Ежовым запланировано, в разговоре с Сашком забросила удочку насчет его шефа...

– О! Как я тебе признательна и благодарна!

Маринка, не отреагировав на мое ироничное восклицание, принялась описывать Ежова. Ну и портретик получился! Какой-то компот из сухофруктов вперемешку с помидорами. Если еще учесть Маринкино красноречие, то нетрудно предположить, что после этого голова у меня сделалась немного прямоугольной.

* * *

До четырех – на этот час назначено было интервью – я еще многое узнала о самом Ежове и его творчестве. Я позвонила парочке знакомых коллег-журналистов, пишущих на музыкальные темы, одному редактору ежемесячника, освещающему события в шоу-бизнесе, посоветовалась со своим замом, Кряжимским Сергеем Ивановичем, который знает если не все, то почти все, что происходит в нашем городе, и у меня получилась довольно полная картина, дающая представление о жизни и достижениях Ежова-продюсера. Собственно говоря, я узнала о нем столько, что можно было вообще и не ехать на это чертово интервью, но... Наши читатели надеялись на «Свидетеля», который, они были уверены, представит им наиболее полную и правдивую информацию об их кумирах, и хотели услышать, то есть прочитать, что нового готовит им их кумир – продюсер, поэт и композитор, создатель и поныне гремевших в Тарасове групп «Вывих», «Летящие» и канувшего в Лету «Самолета».

Поэтому мне все же пришлось отправиться в студию Андрея Ежова, находящуюся на Соколовой горе в двухэтажном здании Дома быта нефтяников. Зная о необязательности дельцов от шоу-бизнеса, я заставила Маринку перезвонить Ежову, чтобы уточнить время визита.

– Все в порядке, – заверила меня секретарь, – он тебя ждет.

– Так уж и ждет? – засомневалась я. – Ты с ним лично разговаривала?

– Нет, – Маринка покачала головой, – у него до четырех запись, и он не может подойти к телефону. Но это означает, что он на месте и ждет тебя.

– Ладно, – обреченно согласилась я, – известная логика в твоих словах есть.

– Логика есть, – усмехнулась Маринка, – она не может не быть.

* * *

Итак, без десяти четыре я остановила свою «Ладу» рядом с красивым синим джипом «Сузуки» возле кирпичной двухэтажки, расположенной внутри довольно подозрительного безлюдного квартала, надела на плечо «Никон», с которым разве что не спала, и... уперлась в запертую парадную дверь. «Начало неплохое», – вздохнула я и заметила тропочку на снегу, ведущую, как предположила, ко входу настоящему, то есть черному. Пройдя вдоль фасада, я свернула за угол и увидела, что в торце здания есть еще одна дверь, и она даже приоткрыта. Войдя внутрь, что уже само по себе можно было считать успехом, я поднялась на второй этаж, прошла обшарпанным коридорчиком и очутилась у двери с надписью «Студия». Открыв ее, очутилась в узкой комнатушке, в конце которой стоял стол. За ним сидела молоденькая кудрявая шатенка в темно-зеленой водолазке, с ярко накрашенными губами. Ее кукольное личико если и выражало что-то, то скорее всего это можно было назвать пренебрежительным спокойствием.

Представившись, я сообщила шатенке, что на четыре у меня назначена встреча с Андреем Ежовым.

– У него запись, – пожалала она плечами, – ждите.

Повесив свою шубку на вешалку, я присела на один из трех стульев, стоявших вдоль стены, и последовала совету секретарши. Передо мной была стена, выкрашенная в светло-лимонный цвет, с двумя дверями по краям. Одна, соответственно, оказалась почти рядом со мной, так как я сидела в самом конце приемной; другая около входной двери. Та, вторая, поминутно открывалась, впуская и выпуская юношей и девушек, которые то выходили в коридор по каким-то только им известным делам, то подходили к секретарше и перебрасывались с ней короткими фразами. Дверь же, ближняя ко мне, не подавала признаков жизни, и я решила, что вожделенный субъект, то бишь господин Ежов, находится именно за ней. От этого мне, правда, не стало ни горячее, ни холоднее, но все же появилась некоторая определенность.

Просидев еще пятнадцать минут, я выразительно посмотрела на секретаршу.

– Не могли бы вы напомнить господину Ежову, – с оттенком раздражения попросила я, – что его ждут.

– Думаю, что он помнит, – полупрезрительно выпятив яркие губки, произнесла эта куколка.

– Полагаю, – снисходительно посмотрела я на нее, – что Андрей Николаевич, как человек творческий, может и не помнить обо всех назначенных встречах, поэтому я просто настаиваю, чтобы вы напомнили ему обо мне.

Видимо, мой холодный деловой тон несколько сбил с нее спесь. Она заерзала на стуле и даже сделала попытку подняться, но все же осталась сидеть.

– Давайте еще немного подождем, – предложила она с кривой улыбочкой.

– Не знаю, как вас зовут, девушка... – менторским тоном произнесла я.

– Светлана, – быстро представилась она.

– Так вот, Светлана, – цинично усмехнулась я, – мне кажется, что в шоу-бизнесе вы недавно и долго здесь не продержитесь.

Она подняла на меня удивленные глаза, и я поняла, что работает она здесь скорее всего не очень давно.

– Долго вы здесь не продержитесь по нескольким причинам, – снисходительно пояснила я. – Нельзя заставлять долго ждать корреспондента крупного тарасовского еженедельника, который может написать о вашем шефе все, что ему заблагорассудится, – это раз; во-вторых, нужно быть немного пошустрее; в-третьих...

Я не успела еще договорить, потому что ближайшая дверь отворилась, оттуда выглянул мужчина, и все внимание секретаря оказалось прикованным к нему.

– Света, кофе, – проронил он и хотел исчезнуть, но Света, «подбодренная» мной, остановила его:

– Андрей Николаевич, вас здесь ждут, – робко произнесла она.

– Да? – удивленно воскликнул мужчина и с интересом посмотрел на меня. – Ах да, конечно, конечно! Ежедневник «Свидетель». Разве уже четыре?

Вопрос был предназначен скорее секретарше, чем мне, но ответила я:

– Скоро половина пятого.

– Света, – Ежов бросил на секретаршу укоризненный взгляд, – что же ты мне не напомнила?

– Но ведь вы сказали, Андрей Николаевич... – начала было оправдываться она, однако он не дал ей договорить.

– Проходите, пожалуйста, – улыбнулся он одними уголками губ, – я скоро.

И снова пропал за дверь.

Не знаю почему, но, руля по направлению к студии Ежова, я представляла его себе с прической а-ля Люк Бессон – бобрик такой модный или ежик – блестящие от геля волосы намеренно подняты вверх. Есть в этой прическе что-то задорно-мальчишеское, словно человек только что встал с постели и то ли не захотел, то ли забыл причесаться. Наверное, иллюзия, что Ежов явится ко мне именно с такой прической, была связана с тем быстрым резонансом, который его колючая фамилия вызвала в моем воображении. У меня, должно быть, чисто детский лингвистический талант. Фонема для меня всегда полна смысла и значения. Так дети именуют милиционера улиционером, и только диву даешься, почему взрослые до этого сами не додумались?

Поэтому когда я увидела сидящего перед пультом на хитроумно вертящемся стуле Ежова, нервно подпрыгивающего ногой и делающего нелестные замечания в адрес поющих за прозрачной стенкой трех смазливых полураздетых девиц, я несколько оторопела: Ежов имел совершенно иную прическу. Его цвета спелой пшеницы, разделенные посередине пробором волосы были подстрижены таким образом, что две раскачивающиеся в такт убогому ритму очередного «шедевра» гладкие пряди, которые были намного длиннее остальных, все время накатывали на его матово-смуглое лицо со следами оспы. Он был худощав, невысок, эффектен. В узких брючках, белой майке в обтяжку и поблескивающей курточке, напоминающей ветровку.

Приподнято-округлые темные брови придавали ему удивленный вид. Крупный заостренный нос, тяжеловатый, резко очерченный подбородок и живые глаза, цвета которых я не могла определить из-за приглушенного освещения, делали его физиономию незаурядной. В руке он держал солнцезащитные очки. Две глубокие морщины на его впалых щеках и резкость жестов заставляли думать о Ежове как о невоздержанно-любопытном, экспансивном человеке, привыкшем испытывать на прочность себя и других.

Когда девушки издали очередной душераздирающий вопль, он вымученно улыбнулся, и я поразились, до чего же неприятная, клоунская у него улыбка. Наигранно терпеливая, без всякой теплоты. Наверное, все дело было в его невыразительно-узких губах и том наплыве тщеславной спеси и превосходства, которые он вкладывал в нее.

– Так, – он повернул к себе микрофон, закрепленный на пульте, – третий сорт – не брак. Теперь – «Голубые ели».

Пронеслось в мозгу окончание анекдота про Штирлица – голубые ели и пили.

Справа от пульта находился стол, за которым я и устроилась, а так как на столе была еще и пепельница, то достала сигареты, закурила и стала наблюдать за происходящим. Девчушки за стеклом задержались под слышную им одним музыку. Я поняла, что Ежов слушает их через наушники, которые он нацепил на голову.

Через некоторое время в комнату вошла Света с подносиком, на котором стояли две чашки. Одну она поставила на горизонтальную часть пульта для Ежова, а вторую подала мне. Здесь было не так скучно, как в приемной, и хотя я не слышала ни музыки, ни голосов девушек, было довольно интересно наблюдать за их телодвижениями.

Андрей Николаевич тоже смотрел за стекло, не обращая на меня никакого внимания. Даже не извинился, мерзавец, подумала я, втайне лелея мысль, что когда, наконец, представится возможность с ним поговорить, задам ему такие вопросы, от которых у него сыпь пойдет по всему телу. Только поэтому я и решила остаться и дожидаться этого шоу-бизнесмена, сколько бы это ни отняло у меня времени.

Ежов часто останавливал девушек и говорил им через микрофон что-то вроде:

– Маша, живее, живее, что ты как спящая красавица!

Или:

– Клара, задом надо двигать, задом! У тебя же хорошая попка, покрути ею как следует.

И еще:

– Леночка, Леночка, не сутуль спину, сиськи вперед, позадорнее, ты не на поминках!

И еще что-то в том же духе, ни слова не говоря о том, как они поют, как будто бы к их пению претензий у него не было. Я видела, что девушки улыбаются и что-то отвечают ему, потому что их губы шевелились, но слышал их только Ежов, так как он был в наушниках, а стеклянная стена не пропускала звуков.

После того как я выкурила несколько сигарет, в студию вошла Света и что-то шепнула на ухо Андрею Николаевичу, которое он предусмотрительно освободил от наушника. Он кивнул, извинился передо мной, сказал, что сейчас будет и... исчез почти на полчаса.

Я только вздыхала и продолжала строить планы мести, один страшнее другого.

Наконец Ежов снова появился, накинув теперь на майку курточку. Подошел сначала к пульта и, не садясь на стул, прокричал в микрофон девушкам за стеклом:

– На сегодня все свободны.

Потом направился ко мне.

– Прошу прощения, Ольга Юрьевна, – улыбнулся он своей некрасивой, подобострастной в этот момент улыбкой, – в сутках, к сожалению только двадцать четыре часа.

Растягивая рот, он прижимал руки к груди, наверное, для пушей убедительности.

– Похоже, что вы только что об этом узнали, – ехидно улыбнулась я.

– Знаете что, – он задрал немного рукав куртки и взглянул на часы, – я перед вами провинился и хочу как-то загладить свою вину. Приглашаю вас в клуб «Матрица», там-то я уж целиком буду в вашем распоряжении хоть до самого утра.

– Я бы могла управиться намного быстрее, – сухо ответила я. – Может, все-таки поговорим здесь?

– Нет, – решительно заявил Ежов, – я просто обязан угостить вас. Кстати, там выступает «Вывих», посмотрите заодно.

– Хорошо, – ничего не оставалось мне, как согласиться.

А что делать? Можно было бы, конечно, настоять и проинтервьюировать его не отходя, как говорится, от кассы, но прозвучало в его просьбе что-то искреннее, что-то наивно-мальчишеское, и я уступила. И потом, раз уж писать о продюсере, надо знать что-то и о его воспитанниках.

– Вот и замечательно, – улыбнулся Андрей Николаевич, – поехали.

На сей раз он не заставил себя долго ждать. Пока я надевала шубу, он уже появился в длинном красно-коричневом пальто и, взяв меня под руку, повел вниз. Там у нас вышел спор. Я настаивала на том, что должна ехать на своей машине, он же предлагал отправиться на его джипе «Сузуки».

– Я вас доставлю сюда в целостности и невредимости, – убеждал он меня.

– Ладно, – согласилась я, решив, что смогу начать интервью уже в машине.

– Это тот самый джип, из-за которого вы судитесь с Поплавским? – спросила я, устроившись на удобном переднем сиденье.

– Все-то вы, папарацци, знаете, – язвительно усмехнулся он, трогая джип с места, – это не слишком интересная история.

– Раз уж об этом стало известно, – заупрямилась я, – не лучше ли было бы прояснить ситуацию. А то ведь пойдут самые невероятные истории. Впрочем, вам ведь это только на руку, – добавила я, пытаясь разговорить его.

– Вы имеете в виду слухи? – Он холодно посмотрел на меня. – Да этот сукин сын, извините, просто подставил меня. Расплатился со мной нерастаможенным автомобилем. Мне пришлось отвалить за него больше, чем Поплавский был мне должен.

– Надо было все основательно проверить, – пожалала я плечами, – прежде чем принимать в уплату джип.

– Проверить, проверить, – недовольно пробурчал Ежов, – я же говорил вам, в сутках всего двадцать четыре часа. У меня катастрофический цейтнот. Не могу я все контролировать, а такие люди, как Шурик Поплавский, пользуются этим. Он ведь прекрасно знал, что джип не растаможен, но ничего не сказал мне об этом. А теперь заявляет, что предупреждал меня. Кстати, вы его увидите в «Матрице».

Кроме нас, в машине сидели два неразговорчивых бугая с хмурыми лицами. Классические костюмы и длинные кожаные плащи, которые эти внушительной внешности парни носили нараспашку, не могли скрыть их социального происхождения. Понятно, все мы более-менее из рабочих и крестьян. Но ведь и класс трудящихся далеко не однороден. У этих и физиономии, и повадки были люмпеновские. Да, да, этакие пристроенные, приглаженные, приодетые люмпены! Качки – на службе люмпеновского искусства, по сравнению с которым массовое представлялось более высокой ступенью. Меня поразила подобная гармония: люмпену – люмпеновское. Перехватив мой взгляд, Ежов изо всех сил постарался беззаботно улыбнуться:

– Знакомьтесь, Слава и Жора. Удалые ребята, скажу я вам, – добавил он фамильярно-игривым тоном.

В ответ на эту льстивую похвалу – льстивой ее делала неприятная улыбка Ежова – смесь заискивающей осторожности и презрительного тщеславия – по каменным лицам парней пробежало что-то вроде судороги, подобной той, что дала толчок миру неорганической материи. Их бледные, плотно сомкнутые губы слабо шевельнулись.

– Насколько я знаю, Поплавский ваш коллега? – продолжила я разговор, больше не отвлекаясь на удалых парней.

– Можно его назвать и так, – пренебрежительно произнес Ежов, – только его проекты больше двух-трех месяцев не живут. Может, слышали дуэт «Солнечный зайчик»?

– Что-то не припомню, – я пожалала плечами.

– Шурик этим дуэтом полгода занимался, стихи им сам Юрий Шажков писал, ну, тот, который для «Распашонок» сочинял. Вот, кстати, мы и приехали.

Ежов остановил машину на большой стоянке возле киноконцертного зала, где на втором этаже располагалась «Матрица», и выжидательно посмотрел на меня.

– Не хотите перейти на «ты»? – неожиданно предложил он. – Я со своими девчонками запросто общаюсь, а вы почти их ровесница.

– Не возражаю, – ответила я, – если это не помешает нашему интервью.

– Конечно, не помешает, – он открыл дверь и легко выпрыгнул на улицу.

Один из телохранителей тут же оказался рядом с ним. Он беспокойно озирался по сторонам. Другой вознамерился помочь выйти из машины мне. Но я скупно поблагодарила его, решительно отказавшись от его помощи. Он флегматично усмехнулся, еще более флегматично пожал плечами и присоединился к своему товарищу-бугаю.

Самостоятельно выйдя из машины и поправив на плече ремень «Никона», я взяла в руки сумочку, направившись к центральному входу. Ежов галантно поддерживал меня под руку.

– А нам удастся здесь спокойно поговорить? – опять засомневалась я.

– Какой разговор, Оленька, – успокоил меня Александр, – там полно укромных местечек, где нам никто не помешает.

Удалые парни прикрывали нас с двух сторон.

Глава 2

Вот чего не ожидала, так это толпы зевак и фоторепортеров, оккупировавших подступы к «Матрице», и я уже не раз пожалела, что не перенесла это чертовое интервью на другое время. Вся надежда была только на Славу и Жору, и парни не преминули показать, на что способны. Отжимая толпу любопытных и все время заходя немного вперед, они буквально прорубали путь во льдах людской симпатии и праздного интереса. Конечно, народную любовь лучше было бы сравнить с морем клокочущей лавы, но ведь ледоколы – а именно ледоколами казались мне сейчас ежовские телохранители – двигаются среди льдов, ведя караваны судов.

Вдруг за спиной я услышала возглас:

– Оля, Оля!

Я повернула голову и увидела возбужденное лицо Кирюхи Захарова, своего давнего приятеля из «Маргинала», газеты, освещающей культурные события в нашем городе. Я только успела махнуть ему рукой: мол, ничего сделать не могу. Зная о популярности моего спутника, который просто упивался подобными знаками внимания, гулом восторженных голосов, всей этой радостной сумятицей встречи со своими беснующимися поклонницами, я все-таки не могла предположить, что народная любовь ко всем этим «Голубым елям» и «Я тебя не скоро разлюблю» примет такой размах. Приезд Ежова вызвал настоящий ажиотаж. Уже у самого входа продюсер, который краем глаза следил за моей реакцией на всю эту шумиху, теснее прижал меня к себе.

– Чтобы не раздавили, – заискивающе и холодно улыбнулся он.

Я ответила ему неловкой улыбкой. Слава и Жора, усердно махая и разгребая руками толпу, надсадно рычали:

– Девушка, с дороги! Освободите проход!

Голоса у них оказались под стать их устрашающей внешности: грубые, громкие, хриплые.

– Нет, что делается, что делается! – с наигранной досадой восклицал Ежов.

В этот момент какая-то сумасшедшая девица прорвалась сквозь стену энергично жестикулирующих и орущих поклонниц, беспокойно снующих туда-сюда журналистов и едва не бросилась нам под ноги.

– Осторожней, – цинично хохотнул Слава, подхватывая потерявшую селф-контроль девушку.

Та забилась в истерике, судорожно выкрикивая:

– Андрюша, ты прелесть, Андрюша, А-андрю...

– Уберите ее! – резко скомандовал Ежов. – Не видите, она не в себе!

Он брезгливо поморщился и отвернулся. В следующую секунду что-то прохладное и темное прыгнуло мне в лицо, больно ударив по щекам и глазам. Я страшно испугалась. Но когда распахнула глаза, увидела, что это обыкновенные розы. Они валялись на снегу, напоминая своим темным багрянцем пятна крови. Фу ты!.. Я тряхнула головой. Глаза отчаянно слезились, ноги подкашивались. Это он специально пригласил меня в клуб, чтобы я почувствовала на себе шквал народного обожания, сильно смахивающего на дикую ярость.

Наконец нам удалось прорвать блокадное кольцо и войти в здание.

– Уф! – Вынув из брюк носовой платок, Ежов промокнул лоб и устало опустился на кожаный диван.

Телохранители выстроились рядом.

– Да отойдите вы, – раздраженно махнул рукой Ежов, – примелькались! Вот так, Ольга, теперь сама видишь, как нелегко мне живется.

Я тоже присела на диван. В реплике Ежова, конечно, присутствовали и рисовка, и фальшь, но на секунду я купилась на его утомленно-растерянный вид. Я уже потянулась было

за сигаретами, но из зала в просторное фойе хлынула другая толпа, состоящая, как можно было догадаться, из преданных друзей, ценителей, коллег, людей, с которыми Ежова связывало лишь шапочное знакомство, и всякой придворной мелюзги, что обычно вьется вокруг кумиров. Холл наполнился шумом, гулом голосов и шарканьем.

– Андрей! – ринулась к Ежову раскрасневшаяся полная брюнетка в черном декольте. – Мы тебя ждали! Леша заверил нас, что ты будешь, Шурик тоже... да вот и он!

Из-за спины дамы и сопровождавших ее двух молодых парней, по виду напоминающих альфонсов, показался широкоплечий упитанный дядечка в сером джемпере, надетом прямо на голое тело, и черных свободных брюках. На груди у него висел какой-то тускло мерцавший медальон, очень похожий на свастику.

– Рад видеть, – протянул он напрягшемуся Ежову короткопалую руку, поросшую рыжими волосками. – А это кто? – с любопытством воззрился он на меня.

Я тоже его разглядывала. Среднего роста, лет сорока пяти – сорока семи, с большим животом, открытым лоснящимся лицом, с коротко стриженными рыжевато-русыми волосами, плутоватыми голубыми глазами и наглой, обезоруживающей улыбкой.

– Знакомься, Оля, – стараясь выглядеть как можно более непринужденным, произнес Ежов, – Шурик Поплавский.

– Фи, Дрюня, что за бесцеремонный тон, – лукаво скосил глаза Поплавский на своего коллегу, не забыв скользнуть по мне оценивающим взглядом, – а вот с Олей, думаю, мы быстро подружимся.

Он потер свою массивную шею и плюхнулся на диван рядом со мной.

– О, какая у тебя штука! – взялся он за ремень моего «Никона». – Ты у нас как – подруга или корреспондентка?.. – горячо зашептал он мне в ухо.

– А где Коля? – резко спросил Ежов.

– В зале остался. По-моему, он с твоей новенькой контакт налаживает, – хитро улыбнулся Поплавский.

На левом мизинце у Шурика светился большой бриллиант, в ухе – золотое колечко. От него пахло алкоголем, сигарами и «Минотавром». Каким бы крутым боссом он ни был, все-таки этот аромат слишком изыскан для него, мелькнуло у меня в голове.

В то время как мы таким вот незамысловатым образом общались, вокруг все плотнее смыкались ряды поповой «крутизны» и богемы. Я видела перед собой наштукатуренные лица молодых и пожилых див, беспокойные физиономии творческого молодняка, всех этих хлипких, тонкобедрых и быстроглазых пареньков в радужных кофточках и узких брючках, бесстрастные маски представителей иных фирм, спонсоров, снисходительно поглядывающих на забавы тусовки. Иногда общий гул, напоминавший непрерывный морской рокот, пронзали счастливые визги, которые, по всей видимости, испускала наиболее восторженная и глупая часть модной тусовки – голопузые девицы в топиках, шортиках и символических юбочках. За разноцветной стеной из человеческих тел чувствовалось какое-то шевеление, веселая потасовка и беготня. Куда я попала? – с недоуменным скепсисом думала я.

– Ну ладно, – поднялся с дивана Ежов и, бросив на руки Жоре свое шикарное пальто, направился в зал, откуда уже доносились сентиментально-монотонные аккорды.

Излишне говорить, что вся команда двинулась следом за ним. Шурик Поплавский не отпускал мою руку, и Ежову это явно не нравилось. Он сурово взглянул на своего компаньона. Тот сделал вид, будто случайно застрял возле толстой брюнетки, которую он жеманно именовал Бригиттой.

– Кто это такая? – спросила я шепотом у Ежова.

– Спонсорша наша, владелица кирпичного завода.

– А-а, – протянула я.

Избавившись от общества Поплавского, Ежов заметно повеселел. Он игриво обхватил мой стан, повернув при этом ко мне голову, и мягко улыбнулся. Но улыбка его опять-таки в силу присущей ей двусмысленности и неискренности вышла у него елейной. Так мы и вошли в зал, словно двое влюбленных, причем Ежов все плотнее прижимал меня. Так что, когда мы остановились перед сервированным столом, можно было подумать, что он сгорает от бешеного желания. Только я попыталась хоть немного ослабить это излишне интимное объятие, как рука моего спутника вспорхнула к моему плечу и, с нежной фамильярностью потрепав его, быстро опустилась.

– Ситдаун, плиз, – слащаво улыбнулся Ежов, падая на обитый пятнистым гобеленом стул.

Жора отодвинул мой стул. Я села. Два других места за нашим столом заняли Поплавский и Бригитта. Еще через секунду к нашему столу подошел высокий худощавый парень в коричневой футболке и кроссовках.

– А-а, Женька, – протянул ему барственным жестом свою мускулистую руку Ежов. – Славик!

Славик откупорил бутылку шампанского и разлил по фужерам. Мы дружно чокнулись и выпили. Тут к нашему столу приблизился еще один парень, с головой, напоминающей яйцо, и жадными волчьими глазами стального цвета. Он уставился на меня, словно мы были знакомы. Я намеренно не замечала его долгого пристального взгляда.

– Рудик прислал, – подобострастно улыбнулся Ежову, весь сжавшись в порыве самоуничтожения, Женька, – знакомься, Никита.

– А сам Рудик? – снисходительно поинтересовался Ежов.

– Отдыхает, – ответил за Женьку Поплавский, – мы с ним вчера здорово накачались. Ну, ты-то меня знаешь, – гордо приосанился он, но тут же вновь развалился на стуле, – я наутро, как огурец. А вот Рудик...

Раздался ядовитый смешок.

– Ну, мы-то знаем, какой ты герой, – с холодной иронией откликнулся Ежов, бросив на Поплавского насмешливый взгляд, – ты, Никита, садись. Оля, – вдруг обратился он ко мне, – как он тебе, нравится?

Последнюю реплику Ежов произнес развязным тоном. При этом манерным жестом приобнял меня за плечи и заглянул в глаза. Я попробовала высвободиться.

– Лешка где? – спросил у Женьки Ежов.

– Тел... то есть девчонками занимается.

– Пойду проверю, – осушив еще один фужер шампанского, Ежов развинченной походкой направился к сцене. Женька и Никита лениво поплелись за ним.

– Все-таки вы, деятели шоу-бизнеса, – жеманно улыбнулась молчаливая до сих пор Бригитта, – иногда бываете такими грубыми!

Она брезгливо выпятила густо накрашенные губы и стрельнула глазками в Поплавского. Но тот явно не был сторонником геронтофилии, скорее наоборот – поклонником буйно цветущей юности.

– Ой, матушка, – фамильярно похлопал он ее по голой спине, так что она скорчила недовольную мину, – не иногда, а почти всегда. А что делать? – бросил он на меня полный сожаления взгляд, – работа такая. Сплошные допинги, грубости, истерии...

– Что нам готовят мальчишки? – с материнской интонацией в голосе осведомилась Бригитта.

– Композиции с последнего диска, насколько я в курсе... – небрежно произнес Поплавский.

– А «Я тебя не скоро разлюблю» там есть? – с наивным интересом спросила Бригитта.

– Есть, – еще более вальяжно раскинул свои члены на стуле Поплавский. – Черт, стулья неудобные здесь! Игорь, – крикнул он в глубину темного зала, – кресло мне принеси!

Я заметила в дальнем правом углу высокую фигуру, которая мгновенно отделилась от толпы одетых во что-то пестрое и блестящее девиц и поспешила за кулисы.

– Ну, когда же они начнут? – нетерпеливо заерзала Бригитта, трогательно и неуклюже разыгрывавшая из себя маленькую девочку.

– А что нам, плохо, что ли? – загоготал Поплавский.

Он разлил по бокалам шампанское и весело поднял свой.

– Ну, – радостно рыкнул он, – за приятное знакомство!

Я лишь пригубила фужер, Бригитта же жадно приникла к бокалу и в мгновение ока осушила его.

– Что, – бесцеремонно толкнул меня локтем Поплавский, – нелегко тебе? Ты мне так и не ответила, – кинул он многозначительный взгляд на меня и тронул «Никон», – это камуфляж или Дрюня тобой очарован?

Последнее слово он произнес нараспев, явно с циничным подтекстом. Меня изрядно раздражал этот пошлый тип, но я решила дождаться Ежова. Зря, что ли, терпела?

– Я на такие вопросы не отвечаю, – хмуро парировала я.

– Это твое дело, матушка! – облизнулся Поплавский.

К нашему столу опять подошел Никита. Он наклонился надо мной и глухо сказал мне на ухо:

– Можно тебя на минутку?

Я подняла голову и одарила его непонимающим взглядом.

– Меня?

– Ты – Ольга?

– Ольга, а что? – еще больше удивилась я.

– Мне...

– Слушай, Никита, ты к Ольге не приставай, – раздался где-то сбоку высокомерно-задирный тенор Ежова, – давай, парень, проваливай!

Никита злобно зыркнул на Ежова, но тут же, стусевавшись, отошел.

– Что у него к тебе? – небрежно спросил Ежов. Я меланхолично и озадаченно пожала плечами.

– Не знаю я ни его, ни приславшего его... как ты сказал... Рудика...

– Да это мой старый друг. Станный тип... – Ежов на минуту задумался. – А кто сейчас не странный? – вызывающе засмеялся он и, не дожидаясь моей ответной реплики, объявил:

– Сейчас начнется! Ну, девки, ну, злодейки!

Он слащаво заулыбался.

– Вы же сказали, что «Вывих» будет выступать, – недоумевала я.

– И «Вывих» тоже, – сделал лукавую физиономию Ежов.

– Ты, Дрюня, – со снисходительным пренебрежением произнес Поплавский, – нас совсем что-то запутал.

Бригитта тоже терялась в догадках. Она бросала беспомощные взгляды то на Ежова, то на Поплавского.

– Дамы и господа! – хорошо поставленным голосом громко объявил Ежов, поднявшись. – Сейчас перед вами выступят дебютантки, мои подопечные. Группа называется «Пчелки». Три очаровательные девушки исполнят хиты «Летящих», а также мою новую композицию «Быстрая река я», которая посвящена одной моей знакомой, – заулыбался он. – Итак, встречайте – «Пчелки»!

Хлынули аплодисменты. Кто-то даже засвистел. Задняя стена сцены полыхнула золотыми молниями, синие и желтые огни запрыгали по сцене, по залу стали шарить мощные прожекторы, выхватывая один за другим фрагменты зрительской реакции – живую фреску замороженных или расслабленно-вялых лиц. Зал потрясли первые аккорды очередного попсового

«шедевра». На сцену выскочили три девицы. Две брюнетки и одна блондинка. На одной были блестящий лифчик и красные шорты, надетые на черные колготки, на другой – шелковые шальвары с гигантскими разрезами, на третьей – синий в желтых разводах топ и сверкающая серебром мини-юбка. Девушки как сумасшедшие задергались и заголосили. Визгливые голоса резали слух.

– Отстой! – пренебрежительно махнул рукой Поплавский.

– Да какого хрена, – взбеленился Ежов, – дай послушать!

– Слушай, Дрюня, слушай, да не забывай, у кого мотивчик спер, – угрожающе насунился Шурик.

– Потом, – сделал нетерпеливый жест Ежов, все внимание которого было устремлено на сцену.

Помнишь, как с тобой гуляли
Под луною желтой-желтой,
А когда листвой опали
Чувства нежные, ушел ты.

Я тебя ни в чем не виню,
Я сама такая —
У меня семь пятниц на дню,
Быстрая река я, быстрая река я... —

тянули девушки, лихо пританцовывая.

– Мне кажется, это новый хит, – горделиво улыбнулся Ежов, когда закончилась музыка и девушки покинули сцену.

Игорь, который, как я поняла, был телохранителем Поплавского, притащил удобный стул с подлокотниками и, поставив его рядом с Шуриком, отошел на пару шагов назад.

– Вот это другое дело, – Поплавский пересел в кресло и достал сигареты.

После «Пчелок» на сцене появился «Вывих» – трое парней в блестящих жилетках на голое тело, один – в шортах до колен, двое других – в белых обтягивающих трико с тройной золотой полосой по бокам. Они двигались довольно синхронно, делая при этом весьма откровенные жесты, ну и, конечно, пели. Бригитта была поглощена происходящим на сцене, не забывая, однако, прихлебывать из бокала. Мне же все это довольно сильно наскучило, если не сказать – осточертело. Я наклонилась к столу за сигаретами и услышала, что Андрей о чем-то вполголоса беседует с Шуриком. Музыка гремела вовсю, и говорили они, не понижая голоса, явно думая, что их никто не слушает, или им было на это наплевать, не знаю, но мне было отчетливо слышно все, о чем они трепались.

– Давай сперва разберемся с джипом, который ты мне втюхал, – рубанул рукой воздух Ежов. – Подождем решения суда. Если ты убежден в том, что предупредил меня, и суд это признает, я готов обсудить твои претензии по поводу мотивчика.

– Значит, ты признаешь, что украл его? – горячась, вопрошал Поплавский.

– Я этого не говорил, – Андрей выставил вперед ладонь, – я сказал, готов обсудить.

– Но ты ставишь еще какие-то условия, – повысил голос Шурик.

– Не какие-то, – пояснил Андрей, – а совершенно конкретные. Я заплатил за растаможку почти пятнадцать штук баксов да еще штрафа пять тысяч! Это больше, чем я тебе отдал за него. Я что, по-твоему, дочь миллионера?

– Ты прекрасно знаешь, что выиграешь этот процесс, – поморщился Шурик, – значит, и с мотивчиком ты меня собираешься опрокинуть. Я же стану нищим – по миру меня пустишь.

– Ну, не прикидывайся, – хлопнул его по плечу Андрей и улыбнулся, – знаем мы, какие у тебя доходы.

– Да что ты знаешь, что?! – Шурик схватил Ежова за отворот куртки.

Его запястье тут же сжала мощная рука Славика. Игорь шагнул было на выручку своему шефу, но путь ему преградил Жора.

– Да отцепись ты, – вырвался Поплавский, но нападать на Ежова больше не рискнул.

Он кивнул Игорю: мол, не суйся – и, откинувшись в кресле, закурил. Статус-кво был восстановлен. Я сделала вид, что ничего не заметила. Окружающие продолжали пялиться на сцену как ни в чем не бывало. Только Андрей все подливал себе шампанского. На обещанное интервью надежд оставалось все меньше. И до «Лады» моей Дрюня, похоже, меня теперь уже не доставит – слишком набрался. Я достала из сумочки мобильник и набрала номер редакции – на меня никто не обратил внимания. Трубку взяла Маринка.

Глава 3

– Виктор там? – резко спросила я.
– Да-а, – Маринка, видно, сразу почувствовала, что со мной что-то не так. – Что случилось?

– Ничего. Я в «Матрице», – отрезала я, – пусть возьмет запасные ключи у меня в столе и пригонит ко мне тачку.

Я объяснила, где ее найти.

– Ты все поняла? – строго спросила я.

– Да что с тобой? – не выдержала Маринка.

– Завтра объясню, – я нажала «отбой» и сунула трубку в сумку.

Оглядев зал, я снова поймала на себе взгляд Никиты, который подавал мне какие-то знаки. Он показывал на часы на своем запястье и проводил ладонью по горлу. «У парня не все дома», – поставила я диагноз и дернула Андрея за рукав куртки.

– Ты обещал поговорить...

– Конечно, конечно, – широко улыбнулся он, поправляя прядь волос, упавшую на лицо. – Погоди немного. Давай-ка выпьем.

Он взял со стола почти пустую бутылку и плеснул остатки в мой фужер.

– Да ты, я смотрю, не пьешь? – Он поднял брови и взглянул на меня.

– Учти, – процедила я сквозь зубы, – если не будет интервью, статью я все равно сляпаю.

И это будет очень хорошая статья. Ее будут читать в городе все. Только...

– Чу, чу, чу, – остановил меня Ежов, – я все понял. Сейчас.

Не оборачиваясь назад, он поманил из-за спины Славика.

– Найди нам тихую комнатку, чтобы никто не помешал, понял?

Слава пожал плечами и отчалил.

– Все будет в порядке, – успокоил меня Ежов, – если я обещал – железно.

На столе откуда ни возьмись появилась новая бутылка шампанского, и веселье продолжилось. Бригитта без устали болтала о выдающихся способностях Андрюшечки, как она называла этого переростка, и его воспитанников. Жора преграждал путь слишком уж назойливым поклонницам, Шурик слюнявил толстую сигару и глядел куда-то в одну точку на полу.

– Пойдем пока потанцуем, – неожиданно взяв меня за кисть руки, предложил Андрей.

Я согласилась. Лучше уж немного размяться, чем штаны протирать. Поднявшись, я опять встретилась взглядом с Никитой и отвернулась.

– Что за тип этот Никита? – шепнула я Ежову на ухо, когда он обнял меня за талию и мы принялись медленно двигаться по залу среди других пар.

Строго говоря, танцующих было немного: кроме нас с Ежовым, еще две-три пары, остальные дергались под рваные ритмы кому как бог на душу положит.

– Первый раз его сегодня вижу, – равнодушно ответил Ежов, прижимая меня к себе. – Он что, клеит тебя?

– Да, делает мне какие-то знаки, которых я не понимаю, – я выставила вперед локти, чтобы ограничить контакт с Андреем.

Не скажу, что его тесное соседство мне было совсем уж неприятно, просто я все еще злилась на него – он отнял у меня столько времени! И то, что я пригрозила ему сляпать статью, было чистой правдой – я могла так расписать эту вечеринку, что он не обрадовался бы.

– Хочешь, я у Женьки узнаю? – предложил Андрей, – нужно только найти его.

– Пока не надо, – мотнула я головой. – Так кто же все-таки такой этот Рудик?

– Рудик? – Ежов замялся. – Я же тебе сказал – старый приятель... очень старый... – равнодушно добавил он.

– Тоже деятель от шоу-бизнеса? – продолжала расспрашивать я.

– Вроде того, – кивнул Ежов.

Музыка еще не стихла, как к нам подошла молоденькая девушка, в которой я узнала сексапильную блондинку, недавно лихо отплясывавшую на сцене: невысокая, хорошо сложенная, стройная, с продолговатыми темными глазами и ровными округлыми бровями, в эффектном джемпере крупной вязки цвета охры и черных брюках дудочкой. Что-то в ее облике показалось мне знакомым. Она была подшофе и, похоже, настроена довольно агрессивно.

– Тебя можно на минутку? – срывающимся от волнения голосом сказала она Ежову.

Он сделал удивленное лицо, взглянув на нее сверху вниз, и иронически пожал плечами.

– Вика, ты же видишь, я занят... – с нарочитой назидательностью ответил он.

– Вижу, – капризно прогнусавила та. – Но ты занят весь вечер, – сделала она акцент на последнем слове, – а я не могу ждать.

Ее настойчивость производила не совсем, скажем так, благожелательное впечатление, но ей, похоже, было на это наплевать. Я недоумевала по поводу ее резкого вызывающего тона, недобро полыхавших глаз и того возбуждения, которое читалось на ее оживленном лице.

– Ну так как? – не отставала она.

Мимо нас прошел официант с коктейлями. Вика остановила его, схватила бокал и жадно отхлебнула.

– Тебе, по-моему, на сегодня хватит, – воскликнул раздосадованный Ежов, – иди, я сейчас приду.

Он сделал нетерпеливый жест. Но Вика продолжала донимать нас своими осуждающе-упрямыми взорами. Ее глаза были влажны и напоминали глаза газели. Или в них стояли слезы?

– Ну что такое, Вика! – потерял самообладание Андрей. – Я же сказал. Почему ты мне не веришь?

– Сам знаешь, почему, – бесцеремонно ответила Вика, отхлебнув из фужера.

– Этим ты ничего не добьешься, – вздохнул Ежов, – иди.

– А вот ты добьешься, – в голосе Вики послышалась явная угроза.

Она резко развернулась на каблуках и, виляя бедрами, пошла к сцене.

– Боюсь, я должен тебя на несколько минут покинуть, – виновато улыбнулся Ежов.

Я понимающе посмотрела на него и кивнула.

– Я недолго, – заверил он меня, признательный мне за это понимание, и тоже направился к сцене.

Я присоединилась к Бригитте и Поплавскому. Жорик в одиночестве отдыхал за соседним столиком: видно, Ежову наскучила его мелочная опека.

– Что, не повезло? – с наигранным сочувствием посмотрел на меня Шурик, – не пойму, че он с этой маленькой злючкой носится? Ни рожи, ни кожи. Где он ее раскопал? – пренебрежительно ухмыльнулся он.

– По-моему, все ясно, – выразительно взглянула на него Бригитта, – или ты, Шурик, ослеп?

– Хочешь сказать, отцовский инстинкт? – сделал комичную рожицу Поплавский, пошловато хохотнув.

– Вот уж! – передернула плечами Бригитта и тоже засмеялась. – Скажешь тоже!

– Это не для прессы, – продолжал веселиться Поплавский, толкая меня локтем в бок.

Чувствовалось, что эта милая парочка основательно набралась здесь, пока другие выясняли отношения или развлекались иным способом. Зачастую спиртное помогает скрывать собственную невестребованность, а проще говоря, ненужность. В глазах Бригитты забегали-запрыгали озорные чертики. Взгляды Поплавского приобрели томную тягучесть.

Конечно, он актерствовал, лукавил и насмешничал, не брезгуя откровенно плоскими остро-тами.

– Может, поиграем в от... – ухмыльнулся Поплавский, шутливо уткнувшись лицом в мое плечо.

Я не дала ему договорить. Резко поднялась и пошла к кулисам.

– Не волнуйся, милочка, – проблеяла мне вдогонку разомлевшая от спиртного Бригитта.

– Я и не волнуюсь, – оглянулась я, чтобы прихлопнуть этих дурашливых толстяков презрительным взглядом.

Но мой, как мне казалось, уничтожающий взгляд почему-то вызвал у Поплавского с Бригиттой дикий смех, лишний раз подчеркнувший их циничную развязность и вульгарность. Вот тебе и шоу-бизнес, саркастично усмехнулась я, идя наобум. Приблизившись к сцене, справа, в стене, заметила дверь. На свой страх и риск открыла и побрела по узкому, плохо освещенному коридору. А-а, здесь, похоже, гримерные. Неожиданно мне преградила дорогу статная женщина со взбитыми пышно волосами и в очках.

– Девушка, вы куда? Посторонним...

– Я ищу Ежова. Он обещал подойти, а сам куда-то пропал, – я сунула под нос бабе свое удостоверение.

Гонор хранительницы святая святых попсового мирка несколько поубавился.

– Он там, – махнула она рукой, – только...

Ее недоверчивый взгляд все еще продолжал буравить меня.

– Все нормально, – меланхолично улыбнулась я и устало побрела дальше.

Из-за дверей неслись крики и ржанье. Видно, «Вывихи» забавлялись. Я миновала еще несколько дверей и, услышав знакомые голоса, остановилась у той, ручка которой нервно дергалась. Пронзительные всхлипы чередовались с протяжными стонами и жалобами. Обычное женское нытье, констатировала я. Скорее всего Вика, прижавшись спиной к двери, не давала Ежову выйти.

– Я же не могу разорваться, – еле сдерживая раздражение, внушал он ей, – ты хочешь невозможного: чтобы я все бросил и занимался только тобой! Что прикажешь мне делать, – запальчиво вопрошал он, – уволить всех, не общаться с прессой? Ты и так меня подставила... Подлетела, как сумасшедшая, глаза вытаращила. И перестань пить! – заорал он.

– А что мне еще остается делать? – завопила Вика. – Ты все время с той кошелкой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.